

Чаянов Александр Васильевич

**Очерки по экономике трудового
сельского хозяйства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А46

А46 **Александр Васильевич Ч.**
Очерки по экономике трудового сельского хозяйства / Чаянов Александр Васильевич – М.:
Книга по Требованию, 2023. – 172 с.

ISBN 978-5-521-29857-0

ISBN 978-5-521-29857-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Под грозный грохот войн и революции капитализм сменяется в нашу эпоху диктатурой пролетариата, открывающей дорогу к новому бесклассовому коммунистическому обществу. Но в то же время численно большая, хотя социально слабейшая, часть человечества живет еще в условиях докапиталистического хозяйства, подточенного и изуродованного, но не уничтоженного капитализмом. Быть может, в наиболее резкой, ибо в пространственно наиболее сближенной, форме это противоречие выступает в нашей стране, стране одновременно и диктатуры пролетариата и стомиллионного, составляющего большинство населения, крестьянства.

Это противоречие определило течение нашей революции и поставило вопрос об соотношении пролетариата и крестьянства, города и деревни, промышленности и сельского хозяйства в центр внимания рабочего класса.

Экономика сельского хозяйства—естественно привлекает к себе в этих условиях исключительный интерес передовой части пролетариата, в особенности пролетарской молодежи, которая теперь учится с такой же энергией и энтузиазмом, с каким воевала несколько лет тому назад на фронтах гражданской войны.

Собранные в настоящей книге работы проф. А. В. Чаянова по экономике сельского хозяйства специально по т. н. теории трудового крестьянского хозяйства не относятся, однако, к числу работ, способных удовлетворить эту потребность нового пролетарского читателя.

Отвлеченное изложение, притом часто в наиболее трудной для большинства читателей математической форме, делает эту книгу недоступной для неспециального читателя. Точно так же и читатель, ищущий марксистского, т.-е. пролетарского, подхода к экономике сельского хозяйства, напрасно стал бы искать его в этой книге.

Но книга проф. Чаянова—серьезная и определенная книга. Она стремится последовательно проводить систему взглядов не марксистских, т.-е. не пролетарских и в то же время не капиталистических, систему взглядов, выражающих идеологию докапиталистического (и потому в эпоху капитализма анти-капиталистического) мелкого буржуа.

В этой определенности—заслуга книги, представляющая собой ясное и более или менее систематическое изложение теоретических взглядов, составляющих теоретический остов значительной части нашей текущей экономической литературы. Читателя-марксиста, способного преодолеть трудность изложения,—а таких читателей у нас теперь не мало,—она на каждом шагу будет вызывать на противоречие. Тем самым она не только познакомит такого читателя со взглядами одной из немарксистских школ, не только научит его критически относиться к текущей экономической литературе, но, одновременно, вызывая его на противоречие, будя его

мысль, она заставит его лишний раз, и притом основательнее, продумать вопросы экономии сельского хозяйства.

В книге проф. Чаянова есть ряд интересных замечаний и построений. Из числа последних мы выделили бы в первую голову теорию водной ренты и описание метода изоцен.

Достоинством книги является и привлечение интересного эмпирического материала, преимущественно из области бюджетной статистики.

Но основной интерес книги в том, что, хотя она и состоит из нескольких отдельных статей и не представляет собой, как это подчеркнуто в ее предисловии самим проф. Чаяновым, изложения системы, как таковой, однако все входящие в книгу статьи проникнуты единой системой теоретических взглядов.

Проф. Чаянов выступает в этой книге, как теоретик. Он пытается дать не простое описание, а теорию т. н. трудового крестьянского хозяйства. Для этого ему естественно приходится отвлекаться от всего несущественного, брать исследуемое явление в его чистом виде.

И вот наиболее характерно как раз то, от чего он отвлекается. Вся его «теория трудового крестьянского хозяйства» (а в этой книге проф. Чаянов собрал как будто все самое существенное, что было им на эту тему написано в течение последних двенадцати лет) построена таким образом, что, обстоятельно рассматривая вопрос, чем определяется строение и развитие крестьянского хозяйства, он подробно останавливается и на физиологии и на психологии крестьянина, но, если не считать математически доказываемого «положения», что, чем выше производительность труда, тем меньше работают в трудовом хозяйстве (см. стр. 9)*) и таких общих мест, как напр., что «на размер продукции работника, несомненно, влияние имеет также и ряд производительных условий труда» (стр. 89), проф. Чаянов вовсе не включает в свой анализ материальные производительные силы и их изменения, как фактор крестьянского хозяйства**). Проф. Чаянов отвлекается от прогресса техники, от происходящего на основе прогресса техники роста производительных сил, а следовательно, и от действительного исторического развития хозяйства. Тем самым он молчаливо предполагает, что строение и развитие (или падение) крестьянского хозяйства определяется не общими факторами, а естественными факторами.

Проф. Чаянов считает отвлечение от прогресса техники настолько само собой разумеющимся, что, напр.: в «Опытах изучения изолированного государства, перечисляя подробно упрощающие предпосылки своего

*) Действительный смысл этого «положения» иной: чем больше отсталость и, стало быть, ниже производительность труда в крестьянском хозяйстве, по сравнению с обществено-необходимой, тем больше вынужден крестьянин надирать свои силы.

**) Интересная статья «Значение машины в трудовом и капиталистическом хозяйстве» рассматривает не значение машины для крестьянского хозяйства (для его строения и эволюции), а значение крестьянского хозяйства для машины: условия проникновения машины в крестьянское хозяйство, а не последствия этого проникновения.

Мимоходом необходимо подчеркнуть следующее характерное обстоятельство. Проф. Чаянов приходит в этой статье к выводу (см. стр. 76), что в мелких хозяйствах машины почти не применяются, в средних—их применение достигает максимума, так как они применяются с малым коэффициентом использования, в крупных—их количество (на десятину) снова уменьшается, т. е. увеличивается коэффициент их использования. Это значит, что как раз в средних крестьянских хозяйствах, усваивающих технику современного сельского хозяйства, ярче всего выступает (проявляющееся в неполном использовании машин) противоречие между производительной силой машин и слишком тесными для них формами крестьянского хозяйства. Но у проф. Чаянова нет и тени анализа этого противоречия, напротив того, излагаемые им «качественные отличия» крестьянского трудового хозяйства от хозяйства капиталистического полностью застилают в его глазах это противоречие, которое от этого, разумеется, не перестает быть реальным.

абстрактного анализа (стр. 117¹—118), он об этой предпосылке не считает нужным упомянуть *).

Если прогресс техники исключен, а лучшие естественные условия уже использованы, то при расширении производства будет происходить переход к худшим естественным условиям и производительность труда будет падать. История развития общественного хозяйства предстанет перед нами не как история роста производительных сил общества, а как история их упадка (а вследствие этого и упадка жизненного уровня населения). Проф. Чаянов и делает такой вывод (напр., на стр. 130): «Каждая новая фаза в развитии земледелия будет знаменовать собой значительное увеличение земледельческого населения и падение уровня его благосостояния».

Прогресс хозяйства он понимает исключительно, как рост валовой продукции данной отрасли при одновременном падении производительности труда (см., напр., «Очерки по теории водного хозяйства», стр. 98).

В этом отвлечении от развития техники, следовательно, в принятии в качестве само собой разумеющейся предпосылки застойной техники нет ничего случайного. Перед нами политическая экономия, стоящая на точке зрения докапиталистического мелкого хозяйства, притом допотопного мелкого хозяйства, с застойной техникой, хозяйства, находящегося поэтому во власти сил природы. Это—политическая экономия, стоящая на точке зрения экономически реакционного мелкого буржуа.

Но мы имеем дело не с наивными воззрениями крестьянина, а с мелкобуржуазной теорией, т.-е. со взглядами того же крестьянина (и вообще мелкого буржуа), но обработанными научно, ставшими основой рассмотрения всей общественной экономики.

Однако попытка рассматривать всю общественную экономику с точки зрения допотопного крестьянского хозяйства не может не привести к нелепостям.

Блестящее доказательство этого положения дает статья «Опыты изучения изолированного государства». Поставив своей целью выяснить вопрос «о том месте, которое в общем строении народного хозяйства занимает земледелие, и о внутренней организации его в целом», проф. Чаянов развертывает подробно разработанное теоретическое построение, дающее его ответ на этот вопрос. Но вот один из выводов, к которому он приходит: по мере перехода к высшим фазам развития «относительное количество горожан (т.-е. процент городского населения Л. К.) падает неуклонно (курсив мой Л. К.)». В подтверждение этого изумительного вывода проф. Чаянов приводит на стр. 132 даже целую таблицу, изображающую как при переходе от 1-ой ко 2-ой, 3-ей и, наконец, 21-ой фазе развития % городского населения неуклонно (!) падает от 58 и до 24%.

Согласно теории А. В. Чаянова, развитие общества начинается с высокого % городского населения, который затем все уменьшается и уменьшается. Вывод этот—о падении % городского населения—стоит в таком резком, таком непримиримом, таком вопиющем противоречии со всей историей человечества, и во всем мире, и в отдельных странах, что читатель оказывается в печальном положении, обрисованном в известном четверостишии Пушкина:

*) В предисловии он прямо заявляет, что, „изучая экономику изолированного государства, автор совершенно игнорировал (курсив мой Л. К.) развитие техники“. Таким образом проф. Чаянов изолирует свое государство не только от других государств, но и от развития техники.

«Встает с заката царь природы,
И изумленные народы
Не знают, что начать:
Ложиться спать, или вставать».

К подобного рода выводам, несомненно, пришел бы и астроном, который попытался бы создать теорию движения небесных светил, отвлекшись от действия сил тяготения.

С этим подходом тесно связана и та экономически реакционная мелкобуржуазная критика, которой проф. Чаянов подвергает капитализм.

Капиталистическое хозяйство в земледелии, оцениваемое с народно-хозяйственной точки зрения, отличается, согласно А. В. Чаянову, пониженной производительностью капиталистически-эксплуатируемых земель, оно понижает валовой доход земледелия, следовательно, и национальный доход (см. стр. 139). Проф. Чаянов не отмечает здесь лишь одного небольшого, но весьма существенного обстоятельства, что капитализм и в земледелии отличался от докапиталистических хозяйственных форм сравнительно с ними высокой и притом прогрессирующей техникой, вследствие чего, например, средний урожай одной десятины был у нас перед революцией в (почти сплошь капиталистических) частновладельческих хозяйствах выше, чем в (большей частью докапиталистических) крестьянских; следовательно, капиталистическое хозяйство в земледелии отличалось не пониженной, а повышенной производительностью земли.

Точно так же и сельское хозяйство Англии, наиболее капиталистическое, далеко превосходит по производительности земли сельское хозяйство стран с слабым развитием сельско-хозяйственного капитализма (напр., России). И в этом пункте теория проф. Чаянова вступает в явное противоречие с действительностью.

Но его критика капитализма не только односторонна и потому неверна, она обнаруживает характерное понимание или, вернее, непонимание капитализма. Что проф. Чаянов понимает под капитализмом, об этом ясное представление дают «опыты изучения изолированного государства». В этом изолированном государстве не только отсутствует прогресс техники; не только страна появляется на свет божий высоко индустриальной, чтобы покончить свои дни в качестве страны аграрной; не только неуклонно падает процент городского населения и растет процент сельского; не только производство орудий и прочих средств производства остается неотделенным от производства средств потребления (как сельское хозяйство, так и промышленность сами изготовляют все орудия и прочие средства своего производства),—на все это приходится идти, ибо «такова до крайности упрощенная система хозяйственной жизни нашего изолированного государства-острова» (см. стр. 118).

В данном случае мы хотим отметить лишь то, что именно представляет из себя на этом острове капиталистическое производство. Прежде всего оно существует, вопреки нашим привычкам, не в промышленности, а только в сельском хозяйстве. И это вовсе не случайность, напротив того, подобного рода капитализм (а иного теория трудового крестьянского хозяйства, повидимому, не знает) может существовать только в сельском хозяйстве (и горном деле). Дело в том, что при ближайшем рассмотрении под капиталистической прибылью теория трудового крестьянского хозяйства понимает, как оказывается (см. стр. 133), не что иное, как дифференциальную ренту, притом определенного вида, а именно получаемую вследствие разного положения земель по отношению к рынку. В ее понимании капиталист это—землевладелец, ведущий собственное хозяйство на основе такой же точно техники и организации хозяйства, как и не капиталисти-

ческие предприятия, но с применением наемного труда, при чем заработная плата его рабочих стоит на том же уровне, что и доход некапиталистических товаропроизводителей. Так как развитие хозяйства на «нашем» острове состоит в падении производительности труда по мере перехода к худшим естественным условиям, то занятие нашего капиталиста состоит в том, чтобы не производить ухудшения своего хозяйства и тем самым не допускать падения в нем производительности труда до того уровня, до какого упала при переходе к данной фазе развития производительность труда некапиталистических производителей; а так как по мере падения последней падает и заработная плата, то ему и очищается... по мнению проф. Чаянова, капиталистическая прибыль. Разумеется, такую же капиталистическую прибыль может в данных условиях получить и самый что ни на есть непричастный к капитализму крестьянин, совершенно невинный по части применения наемного труда, если только он, вопреки общему настроению своих соотечественников, решится осуществить Zweikindersystem.

После этого нас уже несколько не удивит, что на изолированном острове норма прибыли неуклонно растет (если — в виду отсутствия данных о средствах производства — за капитал считать стоимость валовой продукции минус „прибыль“, то норма прибыли неуклонно повышается от 2-ой фазы к 21-ой с 8 и до 56%^{*)}). У своеобразного капитализма свои своеобразные законы развития.

Мы видим, таким образом, что капитализм, критикуемый проф. Чаяновым, весьма оригинальный капитализм и что критика эта свидетельствует, правда, о чувствах мелкобуржуазной политической экономии к капитализму, но отнюдь не о понимании последнего.

Поскольку „капиталист“ теории трудового крестьянского хозяйства ведет свое хозяйство на основе той же техники и организации хозяйства, что и некапиталистические хозяйства, а это обычно бывает в тех случаях, когда земля такого „капиталиста“ обрабатывается крестьянами при помощи крестьянского же инвентаря, перед нами идеализированный крепостник, довольствующийся присвоением дифференциальной ренты. Такое понимание капитализма является теоретическим приспособлением термина политической экономии к представлениям эксплуатируемого крепостниками крестьянства.

Последовательно проведенный проф. Чаяновым отказ от рассмотрения экономики в зависимости от развития (и падения) производительных сил означает подход не с диалектической точки зрения, не с точки зрения развития, а с точки зрения отсутствия развития, рассмотрения не процессов, а состояний.

Теория А. В. Чаянова рассматривает крестьянское хозяйство, как результат воздействия естественных факторов. Но это вовсе не значит результат воздействия одной только внешней природы (влияние последней анализируется в «опытах изучения изолированного государства»), но прежде всего самого населения, рассматриваемого, как естественный фактор, т.-е. со стороны физиологически обусловленного полового и возрастного его состава и его прироста (см., напр., стр. 79). Крестьянское хозяйство проф. Чаянов старается представить, как хозяйство, которое в своем строении и развитии определяется строением отдельной семьи, ее размерами и соотношением $\frac{e}{p}$, т.-е. едоков к работникам.

В «бюджете крестьянского хозяйства» (являющемся выдержкой из бюджетной работы проф. Чаянова «Опыт разработки бюджетных данных

^{*)} 1-я фаза—золотой век—не знает мерзости капитализма, хотя бы и в кавычках.

по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии») он, исходя из определенного теоретического представления о ходе развития семьи, развертывает, примерно, такую картину.

Развитие крестьянского хозяйства начинается с молодой пары без детей; по мере появления детей растет отношение $\frac{e}{p}$, но до известного предела, пока первый ребенок не подрастет настолько, что станет помогать в работе; вместе с ростом отношения $\frac{e}{p}$ растет и подгоняемая им продукция крестьянского хозяйства; с появлением нового работника в лице подросткового ребенка, отношение $\frac{e}{p}$, начинает падать; вместе с тем прирост числа работников в семье позволяет с одной стороны расширить землепользование, в частности путем аренды, с другой—«использовать преимущества сложной кооперации»; расширение землепользования, следовательно, укрупнение хозяйства делает возможным (рентабельным) применение машин, а это в свою очередь ведет к новому расширению землепользования *). Итак, продукция (размер) крестьянского хозяйства сначала растет потому, что растет семья и ее потребности, а потом потому, что подрастают новые работники. Затем семья делится, и начинается та же сказка про белого бычка.

Политическая экономия проф. Чаянова не выходит, следовательно, в его теории крестьянского хозяйства за пределы того, что немцы называют Familienangelegenheiten (семейные дела), куда входит и то печальное обстоятельство, что как пишет проф. Чаянов (стр. 79) «теоретическое развитие семьи часто нарушается... вымиранием отдельных членов семьи».

Но отправляясь от естественных фактов, проф. Чаянов совершенно фатально осужден на то, чтобы прийти не к теории развития крестьянского хозяйства, не к теории движущегося (изменяющегося) крестьянского хозяйства, а к теории неподвижного крестьянского хозяйства. Он объясняет не движение, а строение крестьянского хозяйства, в лучшем случае не течение реки, а рябь на ее поверхности.

Больше того. Отсутствие диалектического подхода осуждает проф. Чаянова на невнимание к ряду явлений в строении крестьянского хозяйства и именно к тем явлениям, которые выражают как раз движение (развитие) этого хозяйства; это невнимание, проистекающее от непонимания их значения для развития крестьянского хозяйства, приводит естественно к неправильному освещению и самого строения крестьянского хозяйства.

Для проф. Чаянова крестьянское хозяйство есть крестьянское хозяйство. Что крестьянское хозяйство носит в себе тенденцию к раскрестьяниванию, к превращению в некрестьянское хозяйство—в фермерское капиталистическое хозяйство на одном полюсе, в хозяйство батрака с наделом на другом, что вследствие этого при внимательном разборе всегда обнаружится, что есть крестьянское хозяйство и крестьянское хозяйство,—все это лежит вне его круга зрения.

Теория крестьянского хозяйства проф. Чаянова, исходя из того факта,

*) На стр. 87 читаем: „Растущая семья, используя преимущества сложной кооперации, развивает всю большую и большую площадь эксплуатации, параллельно умножая свою мощь применением сложных машин“. Проф. Чаянов вспоминая, очевидно, что сложные машины не подрастают сами собой, отмечает тут же, что „песочником размер хозяйственного имущества, качество и количество надела и, наконец, просто личные качества хозяина обуславливают некоторую (!) экономическую дифференциацию крестьянской массы“, но никакого применения из этого замечания не делает.

что люди довольно редко рождаются двойнями, тройнями и т. п., а больше по одиночке и через известные промежутки времени, приходит к неоспоримому заключению, что семьи должны быть разных размеров. В согласии с этим в исследованном проф. Чаяновым случае из общего числа 201 на семьи с числом душ до 3-х пришлось 17, с числом душ от 4 до 6—23 и т. д. А распределение семей по группам, по числу душ в семье и есть для этой теории определяющий момент строения крестьянского хозяйства. «Посевная группировка, говорит проф. Чаянов (см. стр. 84): представляется нам косвенной группировкой по возрасту семьи (по ее размерам)». В результате различия в размере семьи скрадывают все иные различия*).

Между тем, как еще четверть века тому назад отметил тов. Ленин «не следует преувеличивать значение многосемейности зажиточных крестьян, которые, прибегают в наибольшем размере к найму рабочих. «Семейная кооперация», о которой любили толковать наши народники (и наши неонародники Л. К.) является, таким образом, базисом капиталистической кооперации» (см. В. Ильин «Развитие капитализма в России», стр. 46).

На стр. 88 проф. Чаянов сам приводит подтверждение этого положения. Оказывается, что процент наемного труда к общей массе труда

*) Научная добросовестность проф. Чаянова, проявляющаяся во многих местах его книги, заставляет его оговаривать влияние, говоря его словами, „производительных условий“. Так, на стр. 17 мы читаем: „В русских бюджетных работах давно установлен факт некоторого повышения бюджета в высших посевных группах“ (курсив проф. Чаянова).

Правда, факт повышения в этой формулировке ослаблен (некоторое повышение), и в подтверждение его проф. Чаянов приводит группировки не по посевам, а по землевладению и по наделенности на 1 работника. Мы приведем рядом с одной из них для сравнения (заимствовавшую у В. Ильина „Развитие капитализма в России, стр. 99) группировку по хозяйственному признаку—по рабочему скоту:

Группы по землевладению на 1 хоз.

0,0 дес.
0,1— 5,0 дес.
5,1—15,0 „
15,1—25,0 „
св.—25,0 „

Приходится из личного бюджета на 1 душу обоего пола

В Руб.	В %
33,78	100
32,89	97
32,73	97
34,17	101
40,42	120

Группы по рабочему скоту на 1 хоз.

Без рабочего скота
с 1 лош. „
„ 2 „ „
„ 3 „ „
„ 4 „ „
„ 5 и бол. „

Приходится из личного бюджета на 1 душу обоего пола.

В Руб.	В %
19,21	100
19,86	103
27,41	143
27,71	144
36,73	191
33,15	172

Таблицы эти сами говорят за себя.

На стр. 89 читаем: „Кроме влияния размеров потребления на размер продукции работника несомненное влияние имеет также и ряд производительных условий приложения труда“. На стр. 91 отмечается „резкое (курсив мой Л. К.) повышение бюджета (едока) при улучшении производительных условий“. Но в то же время, напр., на стр. 32, читаем прямо противоречащее этим оговоркам заявление: „размер русского крестьянского бюджета в целом (курсив мой Л. К.) определяется запросами потребления... крестьянский работник всегда (курсив мой Л. К.) доводит свою продукцию до определенного обычного уровня насыщения потребностей „едока“.

А главное, все эти оговорки остаются оговорками, и в работе проф. Чаянова теория крестьянского хозяйства строится без анализа „производительных условий приложения труда“, из которых вообще упоминается только земля (преимущественно находящаяся во владении), да и та оказывается не столько условием, сколько следствием размеров семьи и ее структуры.

(для исследованных им 101 хозяйств) в хозяйствах, занимающихся земледелием, составил:

для сеющих до 3-х десятин	0%
» » от 3-х до 7½ дес.	1,7%
» » » 7½ до 15 »	6,7%
» » свыше 15 »	9,3%

Если не выходить за пределы семейственных событий и считать, что расширение землепользования происходит вследствие увеличения числа работников в семье, то это явление, говорящее о росте недостатка рабочей силы в семье по мере расширения землепользования, было бы необъяснимо *).

Но представим себе, что развитие крестьянского хозяйства начинается по Чаянову, что крестьянин в буквальном смысле сам порождает увеличение мощности своего хозяйства, которая растет по мере того, как подрастают его дети, увеличивая число работников семьи.

Однако по данным, приводимым самим же проф. Чаяновым, с ростом мощности хозяйства необычайно быстро растет и купленная земля. Так, купленной пашни приходится (стр. 83):

	Пашни на- дельной в десятинах.	Пашни ку- пленной в десятинах.	В %/о к надельной.
в группе, сеющей до 3 дес.	4,58	0,	0%
» » от 3 до 7½ дес.	6,14	0,34	5%
» » » 7½ » 15 »	11,49	0,25	2%
» » свыше 15 »	13,79	3,83	28%

Купленная пашня в последней группе возрастает относительно по сравнению с низшими группами, по крайней мере, в пять-шесть раз **).

*) Действие несемейственных факторов всюду в работах проф. Чаянова скрадывается, благодаря следующему характерному приему группировки: в свою высшую группу проф. Чаянов относит хозяйства свыше 15 десятин, т.е. объединяет вместе средние и действительно крупные крестьянские хозяйства и таким образом топнит последние, естественно более малочисленные, в перлых. Насколько сильно действие такого приема группировки, можно видеть из следующих (взятых у В. Ильина *ibid.* стр. 34 и 57) примеров:

Группы дворов.	% хозяйств с батраками.	Группы хозяйств.	% хоз., нан- мающ. сроко- вых рабочих.
сеющих до 5 дес.	2,5	обработ. до 5 дес.	0,7
» от 5 до 10 дес.	2,6	» от 5 до 10 дес.	4,2
» " 10 " 25 "	2,7	» " 10 до 25 "	17,7
» " 25 " 50 "	34,7	» " 25 до 50 "	50,0
» " свыше " 50 "	64,1 (!)	» " свыше 50 "	83,3 (!)
» " свыше 10 дес.	18,1	» " свыше 10 дес.	28,3

Средние (18,1 и 28,3%) включают в себя и топят в себе 64,1 и 83,3%, т.е. такого рода крестьянские хозяйства, в которых применение наемного труда уже не исключение, а правило.

**) И здесь цифры высшей Чаяновской группы скраывают действительное положение вещей. Вот данные, раскрывающие эти скобки (см. В. Ильин *ibid.* стр. 31).

	Пашни на- дельной в десятинах.	Пашни ку- пленной в десятинах.	В %/о к надельной.
в группе, стоящей до 5 дес.	5,5	0,04	1%
» " от 5 до 10 дес.	8,7	0,05	1%
» " " 10 " 25 "	12,5	0,6	5%
» " " 25 " 50 "	16,6	2,3	14%
» " " свыше 50 "	17,4	30,0	173%
В группе, стоящей свыше 10 "	13,8	2,3	17%

Эти 17% скрывают, таким образом, в себе, с одной стороны, 5%, а с другой—173%, т.е. решительное преобладание купленной пашни.

А это означает, что достигнутая хотя бы и на основе «семейной кооперации» мощность закрепляется. В приведенной выше таблице это закрепление видно на примере земли, но оно имеет место и по отношению к прочим средствам производства (живому и мертвому инвентарю). А это означает, в свою очередь, что, помимо естественного фактора, на сцену выступает общественный, действие которого непрерывно накапливается. При повторении естественного цикла по Чаянову молодые семьи высшей группы окажутся, в противоположность молодым семьям низшей группы располагающими, помимо наделной земли, еще и земель купленной (и, разумеется, более богатым инвентарем и денежными средствами).

Словом, несмотря на затушевывающую указанное явление конструкцию работы проф. Чаянова, даже приводимые им данные показывают, что «семейная кооперация» является базисом капиталистической кооперации», что развитие «семейной кооперации» ведет к ее отрицанию. Построение проф. Чаянова выхолащивает из «семейной кооперации» ее развитие, рассматривает ее, как неразвивающуюся и поэтому изображает ее неверно.

Теория трудового крестьянского хозяйства, которую правильнее всего было бы назвать физиологической теорией крестьянского хозяйства, отодвигает, как мы видим, на задний план все, что выявляет несоответствие между размерами семьи и размерами хозяйства и находит удовлетворение в выявлении соответствия между тем и другим.

Между тем, как справедливо отмечает (на стр. 82) сам проф. Чаянов, «теоретически можно предположить, что в семьях более зажиточных, семья в общем должна увеличиться скорее не столько в силу повышенной рождаемости, сколько в силу выживаемости детей в относительно лучших условиях жизни. Малоземелье и связанный с ним отход мужского населения также должен признаваться условиями, задерживающими рост семьи». К сожалению, замечание это, смысл которого сводится к тому, что самые размеры семьи определяются мощностью хозяйства, стоит совсем сиротливо в работе проф. Чаянова.

Вообще же кругозор теории трудового крестьянского хозяйства ограничивается пределами семьи и дел семейственных, и эта положительная характеристика названной теории в такой же мере, как и отрицательная (отвлечение от прогресса техники), характеризует ее, как мелкобуржуазную политическую экономию.

Для ограниченности кругозора этой теории весьма показательно и то обстоятельство, что тот капитализм, который она конструирует (и который, как мы видим, вовсе не капитализм), она и не пытается представить себе вне сельского хозяйства: ее кругозор ограничен сельским хозяйством (вследствие чего и ее капитализм для нее не выходит за пределы сельского хозяйства, а промышленность—вопреки истории—оказывается не капиталистической). Теория трудового крестьянского хозяйства неспособна поэтому возвыситься до уровня универсальной мелкобуржуазной политической экономии, а в соответствии с породившей ее социальной базой остается политической экономией мелкой буржуазии, занимающейся сельско-хозяйственным промыслом, т.-е. специфически крестьянской мелкобуржуазной политической экономией.

Но теория трудового крестьянского хозяйства не только физиологическая теория,—она стремится быть и психологической теорией *). Благо-

*) Больше того. В своем предисловии проф. Чаянов говорит даже, что вообще в своем анализе он, интересуется в сущности только теми особенностями хозяйственной деятельности, которые вытекают из природы и рода жизни (следовательно, из психологии; курсив мой Л. К.) свойственной семейному хозяйству».

даря этому обстоятельству мы узнаем такие поучительные вещи, как, напр., что (см. стр. 17) «Получение ценностей на всю сумму нетрудового дохода ни в какой мере не является тягостным» (Еще бы! В согласии со своей антикапиталистической тенденцией, проф. Чаянов не считает тягостным труд эксплуатации и все связанные с ним тревожения), что, чем лучше оплачивается труд, тем он менее тягостен (стр. 62), что в глазах приказчиков костюм и жилище имеют гораздо большее значение, чем в глазах промышленных рабочих (стр. 48) и многое другое по части психологии, не менее ценное.

Психологический подход неизбежно ведет к тому, что на первый план выступают вопросы потребления, ибо рассматриваемая психологически, т.-е. с точки зрения ее целей и мотивов, хозяйственная деятельность (для мелкого буржуа, во всяком случае), есть деятельность, имеющая своей конечной целью потребление. Не видя общественной обусловленности своей хозяйственной деятельности, товаропроизводитель и его идеологи тем усерднее пытаются найти индивидуальную обусловленность ее путем анализа потребностей.

В соответствии с этим анализ потребности занимает в теории трудового крестьянского хозяйства совершенно исключительное место. Центральная теоретическая статья, носящая название «Очерки по теории трудового хозяйства», состоит из двух глав: одна называется—«Соотношение производства и потребления», другая—«Основы сложения потребительского бюджета». Кроме того, в книгу вошла статья «Бюджеты крестьянского хозяйства». Из 152 страниц книги на эти две статьи приходится 85, т.-е. больше половины.

В книге проф. Чаянова вопросы производства, можно сказать, вовсе отсутствуют. Не только совершенно исключены из анализа общественные производительные силы (техника), но даже и естественные условия производства совершенно нигде во всем анализе не фигурируют, кроме одного единственного—расстояния от рынка. Зато вопросы потребления разбираются с исключительной тщательностью. Очень характерна в этом отношении постановка вопроса в «опытах изучения изолированного государства». О каких-либо предпосылках анализа в частности, касающейся производства, нет и речи, зато по части потребления мы узнаем, что потребление продуктов сельского хозяйства абсолютно не эластично, а потребление продуктов промышленности абсолютно эластично. На этой противоположности и построен в этой статье весь анализ.

Проф. Чаянов повсюду исходит из того положения, что производство определяется потреблением. Так в упомянутой выше статье, по мере перехода к высшим фазам развития, идет (вопреки истории; для теории трудового крестьянского хозяйства законы истории не писаны) расширение сельского хозяйства и сужение промышленности, п о т о м у что потребление продуктов сельского хозяйства не эластично, а потребление продуктов промышленности эластично.

Построение этого основывается, во-первых, на молчаливой предпосылке отсутствия технического прогресса, во-вторых, на высказанной предпосылке неотделенности производства всех средств сельско-хозяйственного производства от сельского хозяйства, которое притом производит только продукты личного потребления, и на такой же предпосылке и для промышленности; в-третьих, на гипотезе об эластичности и не эластичности, приведенной выше. Оно падает, поскольку все эти предпосылки противоречат действительности.